

Вадим Балабан

Клетка грудная стучит и стучит письмамена...

предметы двигая в себе
переставляя, пыль сдувая
сидели молча на трубе
три буквы ждущие трамвая

а пыль ложилась под кровать
и выростала до перины
три буквы едут воевать
седые плачут балерины

война войной как на войне
стрельба насквозь или гангрена
три буквы истину в вине
тряют но через колено

гремит колёсами трамвай
по облакам, стальной мокроте
три буквы едут воевать
клубится пыль на повороте.

разливая туман, молоко
и — не требуй объёма
конкретного: здесь далеко
до окоёма

пересчитывай крохи, столбы
и овец захудалых
чтоб не оскудели столы
чтобы летало

листовое железо сжелта
и пустоты срезало
проёмы голов и с листа
не угнетало

ни послание Павла козлам
ни конкретные деньги
и степень тумана вросла
в мокрые тени...

день рыбака

двери закрыты стучи не стучи
но всё равно проездной
и потому перфоратором слёзным
можно на лунку реки наскрести
и оказаться на том берегу
небо окрашено днём.

Вадим Балабан — родился в г. Троицке Челябинской области. Печатался в коллективных сборниках, журналах «Урал», «Белый ворон», «Вещь», «Новый век» и др. Автор сборника стихов «Памятник» (2010). Редактор и составитель сборника молодых поэтов «Цеппелины над Троицком».

рыба пускает в глаза зеркала
шепчет своим диалектом
четырёхстопным зелёным смешным
в руки даётся на время
переходя в плавники и скелет
не выпуская крючка.

не выпуская себя из горсти
дном переходит рыбак
ищет жену и её пироги
находит запутанный спиннинг
битую стеклопосуду
и знак «осторожно убьёт»...

но улица режет меня как свинью
себя я не помню совсем никогда
и вот уже тащит под полынюю
живая вода

а праздник кипит забегает в парад
и алконавты как свежий планктон
так сумеркам всыпят салют и назад
попятится он

целуют тебя и целуют меня
и в целости нету уже никого
и я понимаю что это семья
главнее всего.

сказано — сделано: будем мести по сусекам
жить колобками эх поле меня накати
заколосись на стога перекошенным сеном
не оставляя в живых никого на пути

мор и война и изба уходя в небоскрёбы
корни пускает для этого, зрит семена
и высеваеt возрастая в окрепшие рёбра —
клетка грудная стучит и стучит письма.

психи выродившиеся — и что
нам остаётся от всей этой мерзлоты
города? арка дощатая и трико
папы Карло ну и менты

конечно выношенный запас
у боковых качелей на обиходе
на лобовом пара левых глаз
одетых в радужную по погоде

клумбы ромбы и переплёт
в нелинованную кислоту
я люблю тебя, вертолёт
постигающий мерзлоту

просыпающий порошок
парашютов в забытый полдень
не бывает так хорошо
если к следующему непригоден

канатоходец канатобрат
небо выстроилось для тебя
окна чёрные в аккурат
невозможного сентября.

криптограмма

вымытые дороги
до чистоты до спирта
запаха в подворотне
(на воротах рога)
не выходи отсюда
грамма тебе не крипто
конь тебе не телега
не заходи сюда.

здесь палисадник скроен
как золотая ява
в пепельнице и шейкер —
что воробьиный лай
перекрестись по-божьи
и позови халяву
может ещё вернётся
хватит лежать, вставай.

утро уже потуже
перетянуло вены
будем колоть работу
как дедовские дрова
грамма уже не литра
крипто дрожат колени
серо-да-водорода
кончилась голова.

вся овчарня за мной за мной
я пропах золотой весной
и пропал золотой весной
как положено — я съестной

как порошние на сносях
на груди по кресту в кистях
и запястья текут в песок
загребая венозный сок

рыба-нож или колосок
прорастает в дугу в листок
не настигнете до беды
на другой стороне воды

это дерево от корня
это смерть впереди меня
это жилы тянутся в нить
и последнее слово — пить...

настоящее

беговая дорожка усиливает настоящее
делает его бесконечным
но сил не хватает
приходится остановиться
и сойти устало в будущее
печёное лето
вдали цветной арлекин
трясёт саркофагом
черепной коробки
смеётся как механический
в руках горит мандолина
и тоже смеётся

молниеносно по главной улице
мчится свадебная процессия
медленно вступают в брак
при помощи фотовспышки
и мендельсона

кольца проходят насквозь

бабочка у кадыка
никак не вырвется на воздух

у здания мэрии
болтаются кислые флаги

мэр смотрит на площадь
и школу искусств

дети улыбаются не ему
а друг другу

полжизни коту под хвост

какое тяжёлое время...

колесо обозрения

летит над парком культуры и отдыха
горизонтально
как инопланетный корабль

все на своих местах
и радуются
машут руками

внизу играет духовой оркестр
«амурские волны»

цыгане хотят погадать
но выходит гадость

либо млекопитающие
либо кровососущие
либо энергосберегающие
колесо медленно поднимается выше

приезжает пожарная машина
и мэрия в полном составе

раздаются громкие аплодисменты
а из репродуктора поёт дима билан
— я знаю точно: невозможное возможно...

«амурские волны» пытаются быть громче
но поток воздуха из помятого металла
поднимает колесо ещё выше

видно не только город
но и его окраины